

Предлог был найден.

Слухи о местонахождении Чжан Чжунъяня, бывшего первого старейшины Пика Чёрной Черепахи, наконец подтвердились. Будучи его единственным учеником, Бай Линь был обязан лично отправиться на поиски учителя — и это выглядело совершенно естественным решением. После такого заявления даже у самых недовольных адептов Пика Чёрной Черепахи не осталось поводов для возражений.

К тому же Бай Линь всегда держался в стороне от мирской суеты, и всеми делами на пике уже давно распоряжались его доверенные ученики. Одной парой рук больше или меньше — на управлении это никак не сказывалось.

Правда, Сюань Тяньшэ пришлось изрядно попотеть, убеждая шисюна. Только когда в ход пошли доводы о судьбе Чжан Чжунъяня, Бай Линь наконец сдался.

В глубине души он всё ещё колебался. Бай Линь никогда прежде не позволял себе подобных вольностей и, если бы не Сюань Тяньшэ и наставник, он скорее бы лишил себя жизни, чем добровольно переступил порог ордена демонических заклинателей.

Чтобы успокоить шисюна, Сюань Тяньшэ в последние два дня разделил их. Он отправил Мэн Цзи вместе со Сюэ-язром в экипаж к Хань Цзюэ, а сам поехал во второй повозке вместе с Бай Линем, который всё ещё избегал встреч с Холодным Императором.

— А-Шэ, у меня сердце совсем не на месте.

Сюань Тяньшэ заботливо подоткнул тонкое одеяло, укрывавшее ноги Бай Линя, и мягко спросил:

— Что тебя тревожит?

Бай Линь в который раз перебирал в руках единственное наследство, оставшееся от сестры — глазурный перьевой веер.

— Мэн-эр... почему она так поступила? — Его голос дрогнул. — И шифу... что он тогда узнал?

— Не знаю, — Сюань Тяньшэ покачал головой. — Узнаем всё, когда увидим его.

— И ещё... — Бай Линь выдавил подобие улыбки, окинув взглядом собственную фигуру. — Кто я теперь такой? Раньше Хань Цзюэ говорил, что от меня исходит странный аромат. Ты ведь знаешь, что это за запах, верно?

Услышав вопрос об аромате, Сюань Тяньшэ лишь тяжело вздохнул и промолчал. Он и сам до

конца не понимал, что за «трупный аромат» учуял Хань Цзюэ, но даже если бы знал наверняка, ни за что не открыл бы шисюну правду.

Его старший брат и без того натерпелся. Он потерял жену, которая едва успела войти в его дом, лишился сестры, а горячо любимый наставник ради него навсегда низвергнул себя на путь демонов. Если сейчас объявить Бай Линю, что он превратился в монстра, это станет для него смертным приговором.

Сюань Тяньшэ невольно вспомнил слова Хань Цзюэ, сказанные в тот день, когда Сюэ-яэр начал вести себя странно.

Хотя снежный зверёк и принял человеческий облик, его практика была ещё слишком коротка. Он не умел толком управлять своей энергией, и то и дело у него прорезались то пушистые ушки, то хвостик, что выглядело донельзя трогательно. Сюэ-яэр души не чаял в Бай Лине, а если того не было рядом, ни на шаг не отходил от Мэн Цзи.

«А-Цзи, А-Цзи, давай пойдём куда-нибудь поиграем!»

Под наставничеством Хань Цзюэ всего за полмесяца магическая сила зверька многократно возросла. Он не только стал говорить гораздо складнее, но и заметно подрос. Спустя считанные дни он уже выглядел десятилетним ребёнком и сравнялся ростом с вечно недоедающим Мэн Цзи.

Мэн Цзи, удерживая непоседливого Сюэ-яэра, строго выговорил ему:

— Шифу сказал, что сегодня мы обязаны разобрать смысл этих трёх глав. Никаких игр!

Сюэ-яэр надулся:

— А-Цзи, ты раньше другим был. Мы всегда ходили гулять. Я помню, как мы ловили рыбу, и ты шлепнулся в воду. Такой дурак был, честное слово.

— Молчи! — Мэн Цзи вспыхнул до корней волос и сердито выпалил: — Не было такого! Я... теперь у меня есть учитель. Теперь у меня есть дом. Шифу учит меня грамоте ради моего же блага, я не могу его подвести. Я действительно, понимаешь, действительно не хочу возвращаться в Тунлин, к той жалкой жизни, где приходилось заглядывать каждому в рот.

— О, — Сюэ-яэр кивнул, хотя вряд ли до конца осознал смысл этих слов.

— Я хочу прожить жизнь по-своему. Шифу прав: если человек не пытается ничего изменить, он навсегда останется неудачником.

— Ладно-ладно, буду я с тобой читать.

Зверёк послушно уселся рядом и погрузился в книгу. До самого заката, пока Мэн Цзи не позвал его к ужину, он так и не поднял головы.

— Сюэ-яэр! — Мэн Цзи не на шутку встревожился. Этот маленький дух больше всего на свете любил поесть и порезвиться, и еда у него всегда стояла на первом месте. Если он не откликается, когда его зовут за стол — дело плохо. Мэн Цзи легонько толкнул друга в плечо.

Сюэ-яэр вздрогнул, пришёл в себя и, взглянув на Мэн Цзи, церемонно сложил руки в приветствии:

— Не тот ли это брат-попрошайка из храма Небесной Девы? Как ты оказался на заднем дворе наших Врат Четырёх Образов?

Мэн Цзи растерялся, решив, что Сюэ-яэр просто шутит, и даже прикрикнул на него:

— Что ты несёшь? Хватит паясничать, шифу и шибо уже ждут нас к ужину.

— Сюэ-яэр? — Зверёк нахмурился, и на его лице отразилось искреннее недоумение. — Брат-попрошайка, неужели ты не можешь отличить нас двоих? Я Сюэ-айэр. Кстати, где мой младший брат и моя госпожа Бай Мэн? Помню, перед тем как я потерял сознание, на неё напал Чжоу Сюе. Но, судя по тебе, всё обошлось?

Мэн Цзи окончательно растерялся и, не зная, как продолжать этот странный разговор, выпалил напрямую:

— Сестрица Бай Мэн... она уже отошла в мир иной.

— Не может быть... Нет! — Сюэ-айэр покачнулся, в глазах у него потемнело, и он рухнул без чувств.

Мэн Цзи не смог поднять его сам и в панике позвал Сюань Тяньшэ. Когда же Сюэ-яэр наконец пришёл в себя, он снова стал прежним — весёлым, жадным до еды и легкомысленным сорванцом. На расспросы Мэн Цзи о том, что он называл себя Сюэ-айэром, зверёк лишь недоумённо моргал и мотал головой так, что уши хлопали.

Это был первый раз, но потом подобное случалось ещё трижды. Каждый раз Сюэ-айэр являлся в те моменты, когда тот на чём-то глубоко сосредотачивался. Призрак брата возникал внезапно и так же стремительно исчезал.

«Всё это очень странно. Я могу лишь предположить: не занесло ли душу Сюэ-айэра в тело

брата в тот момент, когда Чжоу Сюе сразил его своим ударом? Неужели теперь в одном теле уживаются две души?» — Сюань Тяньшэ, не найдя иного объяснения, обратился за советом к Хань Цзюэ.

Однако тот лишь покачал головой, и в его взгляде мелькнула ирония.

— Вовсе нет. Разве ты не знаешь, что у заклинателей-оборотней нет души в привычном понимании?

— Нет души? — Сюань Тяньшэ изумился. — Как это возможно? А что же тогда с Сюэ-язером?

— Оборотни, пока они пребывают в зверином облике — лишь пустые оболочки. Но по мере того как их практика совершенствуется, внутри тела начинает кристаллизоваться духовная эссенция — цзинпо. В отличие от души, которая способна к перерождению в круговороте сансары, эссенция рождается и умирает вместе с телом. Проще говоря, цзинпо — это удел тех бессмертных зверей, которые сумели принять человеческий облик.

— А ты? У тебя есть душа, или в твоём теле тоже лишь эссенция? — спросил Сюань Тяньшэ.

Хань Цзюэ негромко рассмеялся:

— У меня? У меня есть и то, и другое. Не знаю, виной ли тому моё происхождение как бессмертного зверя, но во мне уживаются обе сути. Эссенция — мой фундамент, но я чувствую, что в этой оболочке обитает и живая, настоящая душа.

Сюань Тяньшэ кивнул, и на сердце у него стало чуть легче. Почему-то ему не хотелось, чтобы Хань Цзюэ был лишь существом одного воплощения, лишённым будущего.

Хань Цзюэ, словно прочитав его мысли, улыбнулся ещё теплее. Вдруг он что-то вспомнил и, коснувшись рукава Сюань Тяньшэ, произнёс:

— Я... кажется, я начинаю понимать, что происходит с твоим шисюном!

— Что?! — Сюань Тяньшэ даже вздрогнул от неожиданности.

Хань Цзюэ снова засомневался:

— Хотя нет, что-то здесь не сходится...

— Да говори же, в чём дело!

— Часть души и часть эссенции Бай Мэн поддерживали жизнь и практику Бай Линя в течение двухсот лет, верно? — Хань Цзюэ дождался утвердительного кивка и продолжил: — Хоть внешне он и не отличался от обычного человека, душа-то была чужой. И даже кровное родство здесь ни при чём. Получается, все эти две сотни лет он был подобен ожившему мертвецу, практикующему путь бессмертия. У него... у него развилась собственная духовная эссенция!

Сюань Тяньшэ сначала не мог осознать масштаб услышанного, но стоило ему задуматься, как картина сложилась.

— Ты хочешь сказать... Шисюн подобен зверю-оборотню? Пока он не обрёл истинную человеческую суть, он был лишь пустой оболочкой. А когда практика достигла пика, частицы души Бай Мэн рассеялись, и вместо них внутри него сформировалась духовная эссенция? Но это же...

— Звучит жутковато, правда? — Хань Цзюэ вздохнул. — Помнится, ты говорил, что у каждого из вас, духовных заклинателей, есть лампа души. Можешь раздобыть лампу своего брата и взглянуть на неё?

Сюань Тяньшэ то кивал, то качал головой, не в силах вымолвить ни слова — он не мог сдержать дрожи. Он прекрасно знал, где хранится лампа Бай Линя. Тайно забрав её, он увидел то, чего и боялся: фитиль погас, словно человек давно мёртв. А ведь Бай Линь сидел перед ним, живой и невредимый.

Сюань Тяньшэ осознал: если слова Хань Цзюэ — правда, то эта правда была поистине пугающей. Он никогда не встречал в древних трактатах упоминаний о том, чтобы мёртвое тело могло практиковать и возвращать в себе дух. Не зная, как помочь шисюну вернуться в нормальное состояние, он мог лишь полагаться на знания Хань Цзюэ.

Сюань Тяньшэ даже не заметил, как Хань Цзюэ стал для него живой энциклопедией. Стоило возникнуть малейшему сомнению, он больше не пытался искать ответы сам, а сразу шёл к нему.

Такая безраздельная зависимость.

— Я всё думаю... Пусть я мало смыслю в методах оборотней, возвращающих эссенцию, и не знаю, как вы, бессмертные звери, умудряетесь сохранять и душу, и эссенцию одновременно. Меня заботит лишь одно: если шисюн действительно практикующий мертвец, обретший духовную эссенцию лишь ради поддержания привычного бытия... какое место уготовано ему в шести мирах?

Хань Цзюэ не ожидал, что Сюань Тяньшэ посмотрит на проблему с этой стороны, и он вдруг побледнел. Он тяжело вздохнул и, когда снова заговорил, голос его был предельно серьёзен:

— А-Шэ, только не паникуй. Боюсь, всё действительно очень скверно.

Сюань Тяньшэ выпрямился и окаменел.

— О чём ты?

— О самой сути Бай Линя, — Хань Цзюэ больше не улыбался. — Если он действительно «живой труп» с духовной эссенцией, то шести мирам он не пара. Если его тайна раскроется, Небесный Закон неминуемо уничтожит его. Мироздание не терпит подобных аномалий. Ты понимаешь?

— И что... что же нам делать?!

Хань Цзюэ покачал головой и, стараясь успокоить Сюань Тяньшэ, добавил:

— Пока мы не поставили точку в этом деле, не стоит впадать в отчаяние. Вдруг я ошибаюсь?

Но оба они в глубине души понимали: Хань Цзюэ редко ошибался. Его догадки всегда оказывались пугающе близки к истине.

На мгновение в экипаже воцарилось тяжёлое молчание.

Стало ясно: визит в Орден Истребления Бессмертных больше нельзя откладывать ни на день.

<http://bllate.org/book/17529/1699496>